УТВЕРЖДАЮ

Директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук д.ф.н. И.В. Силантьев 15 января 2016 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (сектор литературоведения) на диссертационную работу Корниенко Светланы Юрьевны «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ МОДЕРНА: МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН – МАРИНА ЦВЕТАЕВА»,

представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертационное исследование Светланы Юрьевны Корниенко представляет собой «описание моделей цветаевского и волошинского самоопределения на фоне эстетических тенденций и аналогичных практик, как современников, так и предшественников» (с. 8). Работа состоит из четырех частей: диссертантка рассматривает особенности авторской идентичности М. Цветаевой и М. Волошина; значение «ложных воспоминаний» в автометадискурсе Цветаевой; путешествия,

формирующие творческую судьбу Волошина; а также ключевые для мира Цветаевой образы Казановы и Татьяны Лариной, Пруста и Пушкина.

Актуальность избранной темы заключается в том, что С.Ю. Корниенко занимается «авторской идентичностью, одним из аспектов которой становится проблема самоопределения» (с. 9). Это научное направление является важным для исследования поэтики русского модернизма, в частности, двух выбранных диссертанткой поэтов — М. Цветаевой и М. Волошина. С.Ю. Корниенко обращается к вопросам метапоэтики, изучает автореферентный и дискурсивный слои текста. Поэтическая личность и отношения поэта и литературной среды — вот что становится предметом работы.

Поэтический диалог Цветаевой и Волошина; описание способов, при помощи которых Цветаева трансформирует чужие каноны и создает собственный; влияние интерпретаций Цветаевой на постсимволистов; привлечение большого объема периодики, в том числе эмигрантских периодических изданий; взаимоотношения Цветаевой и А. Яблоновского – данный круг вопросов, затронутых и рассмотренных С.Ю. Корниенко, подчеркивает ценность проведенного исследования, а также определяет его научную новизну.

Автор работы использует методы работы с мемуаристикой модернизма, выявляет ее особенности и описывает взаимоотношения различных уровней текста и внетекстовой реальности. В этом заключается теоретическая значимость проделанной работы.

Методологической базой для С.Ю. Корниенко стали исследования, посвященные литературному канону и метапоэтическому дискурсу (Х. Блум, П. Во, М. Ямпольского, А. Эткинда), и комплекс работ, посвященных русскому модернизму (А. Лаврова, Н. Богомолова, Е. Обатниной, Н. Грякаловой), и поэтике Цветаевой и Волошина — И. Шевеленко, Р. Войтеховича, А. Смит, И. Боровиковой, З. Давыдова и др.

Материалом диссертации С.Ю. Корниенко послужили тексты Цветаевой (эссе «Герой труда», «Поэт о критике», «Наталья Гончарова», «Мой Пушкин», «Живое о живом», драмы «Метель», «Приключение», «Феникс» и др.) и Волошина («Демоны глухонемые», статьи, дневники и письма, «Журнал путешествия»).

В первой главе работы «"Круг чтения" и формирование авторской идентичности: Марина Цветаева и Максимилиан Волошин» диссертантка обращается к цветаевской рефлексии на тему «рождение поэта» и выявляет цветаевские модели вхождения в литературу. В центре исследования оказывается эссе «Живое о живом», посвященное памяти Волошина. С.Ю. Корниенко осмысляет поэтический миф, созданный Цветаевой: «Максу Волошину я обязана первым самосознанием себя как поэта» (Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой. Болшево, 2008. С. 165). Что касается других литературных предшественников, то диссертантка отмечает наличие у Цветаевой байронического и пушкинского поэтического кода. По мнению автора работы, байронический сюжет был «пародически реализован в мифотворческом сценарии одной из героинь «Живого о живом» — Черубины де Габриак» (с. 32).

Другая — «любовная модель» развития отношений поэтов открывается в так называемом «беттинином сюжете», которому посвящен 2-й параграф первой главы. «Именно история взаимоотношений Беттины и Гете, — пишет С.Ю. Корниенко, — становится для Цветаевой таким коммуникативным образцом, в котором инициатором отношений и ведущей инстанцией является "младший поэт", а проговариваемой целью становится слом изначальной иерархии, установление горизонтальных связей и впоследствии — невозможное в реальности, но утверждаемое в качестве обязательного для романтика недостижимого "идеала" любовное подчинение "старшего" — "младшей"» (с. 57).

В 3-м, 4-м и 5-м параграфах первой главы указывается на значение творчества Анри де Ренье как для культурной парадигмы 1910-х гг. («Аполлон»), так и для восприятия Цветаевой. Французский писатель видится Цветаевой почти антиподом любимого ею Г. Манна. Кроме того, отрицание «аполлонического» начала в Пушкине связано, как считает автор исследования, с отвержением произведений Анри де Ренье «в контексте поэтического самоопределения для легитимизации своих прав на пушкинское наследство и особое место в культуре» (с. 105).

Природа модернистских мемуаров и роль фикциональных ошибочных воспоминаний рассматривается во второй главе «Ложные воспоминания в автометадискурсе М. Цветаевой ("Живое о живом")». С.Ю. Корниенко интересует комментарий к эпизоду эссе «Живое о живом», где Волошин якобы предлагает Цветаевой мистификацию: создание «стихов о России» под маской семнадцатилетнего «поэта Петухова». В первом разделе второй главы анализируется литературнокритическая реакция на «русский стиль» Цветаевой. Диссертантка подробно показывает мнения русских, советских и (эмигрантских) критиков: Брюсова, Мандельштама, Троцкого и др. Среди выводов появляется мысль о том, что «отказ... от мистификации, связанной с поэтом Петуховым... подчеркивает изнутри ситуации 1932-1933 г. законность цветаевских прав на подлинность своего имени, а отвержение волошинского рецепта успеха и принятия литературной корпорацией представляется как сознательный выбор поэта» (с. 27 автореферата).

Во втором разделе главы раскрывается литературно-политическая ситуация, сложившаяся в русском Париже в момент приезда Цветаевой. С.Ю. Корниенко описывает особенности периодики, связанной с Зарубежным съездом 1926 г. Автор работы демонстрирует и публикует в своей монографии «Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан

Волошин — Марина Цветаева», а также вводит в Приложение к диссертационному сочинению два фельетона Яблоновского — «Дамский каприз» и «Хвост писателя». Столкновение с Яблоновским отзывается в цветаевском эссе «Поэт о критике». С.Ю. Корниенко подчеркивает, что Цветаева сближает фигуры Брюсова и фельетониста, делая «Яблоновского... пародийным дублетом Брюсова в эмигрантской судьбе Цветаевой» (с. 275).

«Обретением идентичности» Волошиным (третья глава) диссертантка называет ту грань личности поэта, которая связана с путешествиями – по Италии, в частности, ибо именно эта страна поставлена автором работы в центр изучения. Разумеется, поездка в Италию – это дорога каждого художника, стремящегося увидеть незабываемые природу и культуру знаменитой страны. «Итальянские впечатления, - пишет Т.В. Цивьян, - едва ли не универсальная литературно-художественная тема, своего рода урок, который должно выполнить, не заботясь о том, что он затвержен многими и многими, в разных временах и пространствах» (Цивьян Т.В. «Умопостигаемая Италия Комаровского» // Комаровский В.А. Стихотворения. Проза. Письма. Материалы к биографии. СПб., 2000. С. 443). С.Ю. Корниенко подчеркивает значение нескольких городов Италии, особенно повлиявших на творческую судьбу Волошина: Рим, Тиволи, Флоренция, Неаполь, Генуя. При этом исследовательница проводит аналогию между путевыми дневниками Гете и Волошина, определяя основные векторы культурного текста Италии для каждого автора.

Добавим, что в данном контексте уместно было бы указать на итальянский дискурс поэтов Серебряного века (например, Блока, Гумилева и др., возможно, даже и Комаровского, никогда не посещавшего Италию, но написавшего итальянский цикл стихотворений). И если каждый автор выделяет в «итальянском тексте» именно «свое, индивидуальное и в этом

смысле неповторимое ви́дение», потому что «слишком отчеканено культурное клише Италии в нашем сознании» (Цивьян Т.В. Указ. соч. С. 444), то в диссертации ощущается некоторая оторванность от рецепции образа этой страны в творчестве поэтов и писателей начала XX века, некоторое, вполне объяснимое темой работы, обострение волошинско-цветаевского аспекта, тогда как, на наш взгляд, цветаевская Италия аккумулирует в себе гораздо больше литературных русско-итальянских связей.

Заканчивается третья глава выходом в «родной» локус Волошина — Коктебель, где поэт обретает истинный рай на земле. С.Ю. Корниенко подчеркивает, что «итальянское... путешествие 1900 года станет для молодого Волошина важной отправной точкой для "другого путешествия" — путешествия в "глубины своего духа" и источником культурных полюсов, позволивших осмыслить свое, родное пространство, населить его идеями, сделать пригодным для существования» (с. 341).

В четвертой главе работы, посвященной «образу "другого" в цветаевском самоопределении» (с. 35 автореферата), представляется образ Казановы (первый раздел), «"Татьянин сюжет" в поэтической мифологии Марины Цветаевой» (второй раздел), Пруст и Пушкин как «земные воплощения гения» (по Цветаевой) (третий раздел). Хотелось бы, однако, увидеть логику выбора именно указанных фигур — от легендарного «универсального любовника» до поэтического образа из стихотворного романа и двух писателей (ХІХ и ХХ вв., русского и французского). Общим основанием для диссертантки служит их важность (в прямом и метафизическом смысле) для восприятия и, как неоднократно отмечает С.Ю. Корниенко, «самоопределения», «идентификации» Цветаевой. С этим, безусловно, можно согласиться, но в любом случае, название главы «Ролевая идентичность и самоопределение человека модерна» претендует на юнговские или бёрновские изыскания, что не вполне согласуется с

литературоведческой природой исследования. И в рамках диссертационного сочинения три раздела четвертой главы оказываются как несколько отстоящими и тематически, и логически от первых глав, так и недостаточно связанными между собой.

Несмотря на высказанные замечания, можно отметить, рассматриваемая диссертация является завершенным исследованием, в котором поставлены обоснованные и достоверные научные положения, в конце которого даны выводы и намечены дальнейшие перспективы. Результаты работы были апробированы на научных конференциях и опубликованы в 33-х публикациях (из них 15 в изданиях, рекомендованных ВАК, в монографии и двух учебно-методических пособиях). Результаты и выводы могут быть использованы в практике преподавания в вузах при чтении курсов лекций по истории русской литературы Серебряного века, задействоваться при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по литературе русского зарубежья, при проведении практических занятий, литературных факультативов в старших классах средней школы с гуманитарным уклоном, а также при разработке учебных и методических пособий, что определяет практическую значимость исследования.

Количество и качество проделанной работы, ее стиль, изложение результатов на 422 стр. (без приложений), адекватное представление текста в автореферате и 33-х публикациях – все это отвечает требованиям, предъявляемым к исследованиям, представленным на соискание ученой степени доктора наук, изложенным в пунктах 9-10 действующего Положения о присуждения ученых степеней. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что Светлане Юрьевне Корниенко удалось решить крупные задачи – выявить автометадискурсивный компонент в цветаевских мемуарах; показать значение пространства B самоопределении модернистского художника; описать авторефлексивные построения

Цветаевой и способы трансформации «чужой личности» в поэтике и дискурсивных практиках Цветаевой. Данные задачи имеют существенное значение для развития такой литературоведческой области, как история русской литературы XX в. и литература русской эмиграции, а автор диссертации «Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин – Марина Цветаева» Светлана Юрьевна Корниенко заслуживает присуждения ей ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01. – русская литература (филологические науки).

Отзыв, составленный доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником Института филологии СО РАН Еленой Юрьевной Куликовой (специальность 10.01.01 – Русская литература (филологические науки)), обсужден и утвержден на заседании сектора литературоведения Института филологии СО РАН 15 января 2016 г., что нашло отражение в протоколе № 1.

Зав. сектором литературоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН),

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,

тел./факс: (383) 330-15-18, silantev@post.nsu.ru

И.В. Силантьев

Подпись И.В. Силантьева заверяю.

Начальник отдела кадров

ИФЛ СО РАН

Э. Б. Зульфигарова

15.01.2016